
Критика и литературоведение

Светлана Имихелова

Светлана Имихелова, доктор филологических наук, профессор Бурятского госуниверситета.

Новые лауреаты премии им. И. К. Калашникова

Литературная премия им. Исаия Калистратовича Калашникова за лучший роман (прозу) на русском и бурятском языках учреждена администрацией г. Улан-Удэ с 1998 г., вручается один раз в несколько лет. Это единственная литературная премия в республике, инициатором которой является Городская библиотека им. И. К. Калашникова и в жюри которой с самого начала входит вдова писателя Екатерина Викторовна. Первым лауреатом стал Геннадий Башкуев за повесть «Пропавший», высоко оцененную не только жюри, но и собратями по перу, например, Владимиром Митыповым, чьей похвалой гордится сам автор-лауреат.

Перечислю лауреатов 2010-х гг. В 2011 г. таковыми стали Алексей Гатапов за книгу «Тэмуджин» и Дулгар Доржиева за книгу «На просторных берегах Баргузина» на бурятском языке. В 2014 г. победителем конкурса в номинации «Проза на бурятском языке» стал Очир Нурбаев с повестью «Афганай дэбтэр» («Афганский дневник»), а Андрею Игумнову за роман «Кукушкины дети» вручена премия в номинации «Проза на русском языке».

Лауреатами премии в 2016 г. стали Доржи Сультимов — за книгу рассказов и повестей «Эхын захяя» («Заветы матери») на бурятском языке и Булат Молонов — за книгу рассказов «Мобу. Танец орла».

* Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). С. С. Имихелова: Улан-Удэ. Издательство Бурятского госуниверситета. 2020.

И, наконец, лауреатами премии в 2019 г. стали Галина Дашеева (Базаржапова) за книгу рассказов, художественно-публицистических очерков «Буусын нургаал» («Заповедь родной земли») в номинации «Проза на бурятском языке» и Юрий Извеков за книгу стихов и прозы «Коробка спичек» в номинации «Проза на русском языке».

166 Конечно, наибольшая конкуренция наблюдалась в номинации «Проза на русском языке». Лауреатами в этой номинации стали русские писатели Андрей Игумнов и Юрий Извеков и бурятские, пишущие на русском языке, писатели-билингвы Алексей Гатапов и Булат Молонов. Из претендентов на премию в последние годы не раз выдвигался Болот Ширибазаров, профессиональный драматург, как прозаик дебютировавший в 2014 г. отличной повестью «Волчьи тропы», его повести «Метис», «Мотылек» одна за другой были, как и первая, опубликованы в журнале «Байкал», где выдвигалась каждая повесть для участия в конкурсе, но в отличие от получивших лауреатство у него еще нет изданной прозы.

Не издавал своих книг и Андрей Игумнов, однако опубликованные журнальные варианты его текстов — это действительно полновесные романы: «Пузыри жизни», «Кукушкины дети», а значит, вслед за Алексем Гатаповым у нас появился еще один эпический писатель, продолжающий традицию автора знаменитого «Жестокоего века».

Если постмодернистские «Пузыри жизни» по содержанию и стилю звучат сверхсовременно и местами заумно, сюжет ветвится и складывается из разных жанровых фрагментов (что делается сознательно), то роман «Кукушкины дети» с фантастически-мистическим сюжетом читается взхлеб, и беллетристическая основа (у матери-кукушки рождаются гениальные дети, один из которых и ведет повествование о своих матери, сестрах и братьях) создает вполне романтный эффект.

Он состоит в том, что главные герои — сын и мать — вызывают ощущение незавершенности, сложности и фантастичности самой жизни, они равнозначны по ценностному, т. е. нравственному, отношению к себе и друг другу, к тому, что мы называем судьбой (или роком, или кармой), и самосознание каждого неоднозначно, т. к. «путается контекстом сознания о нем другого» (М. М. Бахтин). Пусть этот тезис высказан мною научным слогом (так и просится словечко «дискурс»), но соответствует основному импульсу прозы Игумнова: ощущая себя романистом, он забывает о своем статусе ученого, доктора наук, и наоборот, исследовательский азарт придает романному вымыслу психологическое обоснование.

Подлинным открытием следует назвать прозу Булата Молонова.

И это не только его изданная в 2014 г. книга рассказов «Мобу. Танец орла», которая и сделала его лауреатом, но и рассказы, рассыпанные по Интернету и в пространстве блогосферы, часто публикующиеся на страницах журнала «Байкал». Восхищение у читателя может вызвать работа писателя над жанром рассказа в форме лирического монолога автобиографического героя. Это молодой человек, часто разлученный с родиной-Бурятией, родным языком, любимой женщиной, умершим другом и потому испытывающий страшный дискомфорт.

Сознание этого героя и движет сюжет, фабулу, удваивает изображенное пространство-время, придает герою романную видимость. То есть книгу «Танец орла» можно назвать романом в рассказах, так эффектно представленным в прозе яркого русского писателя Захара Прилепина, лауреата и Букера, и Большой книги, и Нацбеста — всех главных литературных премий, какие существуют в современной России. Но и у нас в такой же форме, развивая такую же тенденцию, вполне оригинально работает самобытный писатель.

Вот, к примеру, фрагмент из рассказа «Город смерти»:

«Моя хугшэн эжэн, провожая меня, дала мне хантас, который сшила для меня, чтобы я не замерзал зимними вечерами. А теперь ее уже нет в живых, умерла. Этой осенью ездили по Улаанбаатару на такси, зажигали в ночных клубах, смеялись и веселились, ели буузы, сансар бууза — космические буузы. А вчера звонят и говорят: «Олега умер». Убили. Поздравление с днем рождения прилетело из Москвы от любимой одноклассницы, летом должны были встретиться и отпраздновать ее кандидатство, не получилось со временем. А осенью звонят: «Ирка умерла». Опухоль мозга. Встречаю родню по юности: «Зда-а-аро-о-ва!», «Хали-бали!», «Ай-уй-Саянтуй!», «Хайвай-Тарбагатай!», «Как делишки? Что нового? Как Макс поживает?». В ответ: «Макс умер». Сидим, курим, уже без всяких ай-уй и хай-ваев. Передоз. Я как-то необыкновенно остро ощутил, как из меня вытекает жизнь. Я не смогу точно сказать, что в будущем году или через четыре года сделаю что-либо, откуда я могу знать, что я буду жив? «Песен еще недописанных сколько? Скажи, кукушка... Пропой!» — Цой.

Посмотрите в Вечное Синее Небо! Вы увидите сотни больших и тысячи маленьких птиц, как бы высоко они ни летали, все они летят в Город Смерти.

Они придут туда в полном неведении о месте и времени своей смерти и в полном одиночестве, и поэтому необходимо искать Прибежища у Великого Сочувствующего и повторять его шестислоговую мантру — Ом Мани Пад Ме Хум!» (с. 59–60).

Конечно, обращаешь внимание на оригинальное словоупотребление, иллюзию разговорного синтаксиса, постоянное использование бурятских выражений, молодежного сленга, цитат из песен рок-кумиров, но главное достоинство — это все-таки пронзительная рефлексия, вызывающая у читателя соответственный отклик, будь то взволнованный голос влюбленного оптимиста или страстное обращение к Богу человека, страдающего от невыносимого трагизма бытия.

Эту манеру рассказывания хочется дотошно анализировать, чтобы объяснить ее необычайное обаяние, особое воздействие на твое читательское самочувствие. Видимо, разговор об интересном явлении в нашей литературной жизни еще впереди, ведь писатель молод и все у него впереди.

Лауреат 2019 г. Юрий Извеков — личность известная в художественных кругах Улан-Удэ: он не раз выставлял свои живописные и фотоработы, издавал

сборники стихотворений, но издавал их, по своей оригинальности нетрадиционных и даже одиозных, настолько малочисленным тиражом, что причислялся к андеграундному искусству, арт-искусству, адресованному лишь немногим искусственным читателям. О причинах его неожиданного, по мнению не знающих его творчество, лауреатства хочется высказаться подробнее.

168

Когда открываешь книгу стихов и прозы «Коробка спичек», такой, как ни странно, увесистый том, то попадаешь под неотразимое воздействие личности автора. Он, кстати, изображен на обложке со странным указателем в виде стрелки с двумя концами: Я и не-Я, тем самым намекая, что именно таким двойственным образом явлен автор в книге: автобиографический, совпадающий с «собой любимым» и в то же время сознательно выстроенный, вымышленный: в первой, стихотворной, части выступающий в облике лирического героя и во второй прозаической — как образ героя-рассказчика по имени Юрий Извеков. Лауреатом Юрий Олегович стал именно благодаря второй части. Она, в свою очередь, состоит из двух циклов: «Рассказы и диалоги» и «Вечерние прогулки». В первом цикле перед нами действительно рассказы в своем подлинно жанровом выражении, даже если они в форме диалога, даже если это диалог героя с самим собой или монолог в духе стихотворений в прозе. Второй раздел — это записи по случаю, мысли вслух, напоминающие форму розановских «опавших листьев» или терцевских «прогулок» с классиком. Объединяет же обе части активная работа авторского сознания писателя — нашего земляка, улан-удэнца. Изначально Калашниковская премия, по условиям конкурса и по задумке городской администрации, должна была отразить жизнь города Улан-Удэ. Так что в этом смысле Извеков — идеальный претендент на победу в данном конкурсе.

Когда открываешь «Коробку спичек», так и хочется воскликнуть — вслед за Толей Собенниковым, одним из собеседников героя книги: «Ах, Юра, читать тебя одно удовольствие...». Понятно, что профессор филологии и сам поэт обращается одновременно и к автору, и к герою, потому что ему введома условность понятия «лирический герой».

Строится цикл рассказов вразброс, их последовательность вовсе не временная, обеспечена именно внутренним сюжетом, причудливой рефлексией автора, например, несколько идущих следом друг за другом мини-рассказов могут быть связаны темой детства или мотивом творчества, но все равно цикл движется работой сознания и памяти, выстраивающей линию жизни в единстве разных периодов — от детства до сегодняшнего дня.

На первый взгляд, в цикле отразилась жизнь не только самого героя-автора, но целого поколения, к которому он принадлежит, — людей, живущих в городе Улан-Удэ с его достопримечательностями — это горсад с его «нефонтанирующим фонтаном», кинотеатр «Прогресс» с мимикрией своего внутреннего содержания, книжные магазины и забегаловки, адреса коих постоянно менялись на протяжении полувека; людей, читавших одни и те же книги, ценивших одни и те же песни, анекдоты, кинофильмы, переживших 60-е, 80-е, 90-е, совершавших поездки-набеги из Улан-Удэ в Иркутск или Тунку и Джиду и т. д. Это особое поколение, выходящее за пределы локальной привязанности. Сегодня его можно идентифицировать по цитатам из Маяковского, Высоцкого, из песен

Битлз, из серьезных книг серьезных авторов, по признанию в неприязни к Дюма и другим литературным поделкам. Герой может и не называть автора очередной цитаты, но он обращается к читателям, которые, он знает, поймут его с полуслова или между строк. К этому поколению относятся друзья писателя, иногда жена, с которыми он и ведет диалоги, относятся и такие, как я, пишущая сегодня о книге писателя и находящая немало общего из своей жизни, из своей памяти. К примеру, увлечение голоданием в 80-е — это тема важная не только для героя по имени Юрий Извеков, помню, например, как точно такие же упоминаемые в книге правила входа и выхода из голодания (по Крэгу) звучали в устах Эдика Бальбура, нашего с автором коллеги по научному институту...

Можно перечислять темы, сюжеты книги, но больше всего на мысль наводит жанровое своеобразие коротких рассказов, поскольку каждый рассказ в каждом случае предстает в совершенно новом виде.

Часто это полуанекдоты (прав теоретик В. И. Тюпа, утверждающий родство рассказа с жанром анекдота), это и стихотворения в прозе с особым лиризмом и исповедальной серьезностью, а то и смешные, комичные до невозможности случаи и мысли по поводу этих случаев в стиле Хармса (здесь и бахтинский карнавал пригодился бы, например, в разговоре о восхитительных воспоминаниях героя о машине детства — говновозке). Это типично мужская проза со своим сленгом, пристрастием к спиртным напиткам в духе Венички, героя Вен. Ерофеева, часто с сознательным педалированием табуированных тем или неформальной лексики (кому-то покажется чрезмерной, а для меня как раз в меру). И еще это поэт, посвящающий стихи и прозу теме творчества — излюбленной теме русской литературы.

Очень важно выделить удивление героя людскими характерами, в которых он найдет массу парадоксального или выбивающегося из стереотипного ряда. Например, рассказ «Про колхозы», где герой передает услышанное в беседе с 90-летней старухой из семейского села Тарбагатай о том, что коллективизация в корне изменила жизнь ее земляков, именно тогда «мы только жить начали, свет белый увидели, ну, богаче до революции жили, денег в сундуках много было, наряды богаче. А как нам работать приходилось, мы же летом почти и не спали, всё работали и из деревни никуда не выезжали, а в колхозе мы хоть вздохнули свободно, у нас и выходные появились, и отпуска, да я один раз на курорт ездила на море и еще в Москву на выставку.

С хором там выступали. А в хоре нам только после революции петь свободно разрешили, раньше попы да уставщики нас гоняли за это, а в больнице меня лечили, а грамоте учили, а сколько детей тогда маленькими умирали...» (с. 215). Герой-рассказчик, напоминая, что коллективизация проходила в этом большом богатом селе так жестоко, что после расстрелов и высылки опустели две улицы, резюмирует:

«Так что не всё так просто с колхозами». Этот рассказ в рассказе показателен для прозы Извекова, согласуясь с принципом демократизма и гуманной отзывчивостью героя/автора.

Из всего перечисленного трудно тем не менее сказать о главном — так в чем же состоит необычайное обаяние прозы Юрия Извекова?

Дело в том, что бросающаяся в глаза мозаичность, когда с любовью переданы детали повседневной жизни 60–70-х и особенно 80–90-х, да и сегодняшнего дня, от лица как будто простого работяги, обладающего прекрасной памятью, хулигана-озорника, часто находящегося под градусом и грезящего о какой-то высокой сфере жизни, но остающегося в иной сфере, которую характеризует в одном месте: «так, закоулки», а в другом — «помойка жизни». И совсем не удивляешься, что такой герой наделен талантом писательства, зрением живописца, верой в свою задачу следования творческому долгу.

Он еще и фотохудожник, «другок Алки Цыбиковой», и еще знаток городского фольклора и собиратель народной мудрости, к тому же часто предстает как иронист-постмодернист, пишущий, например, о Пушкине в духе Хармса. И в то же время, что тоже неудивительно, тяготеет к эпической теме, как и упомянутые им герои из романов «Тихий Дон» и «Доктор Живаго». Вот почему за ликами героя-рассказчика, за всей мозаикой потока сознания и движений его памяти открывается само Время, и, пусть не звучит пафосно (пафос вообще чужероден книге, если и есть, то сдобрен изрядной долей иронии), в рассказах предстает сама История. Именно она во всей красе звучит из уст «свидетеля счастливого», причастного к жизни своих соотечественников, который говорит, на первый взгляд, только о себе и от себя, а на самом деле — о чем-то большем и очень важном.

Не откажу себе в удовольствии процитировать фрагмент из очень характерного рассказа-диалога в книге «Коробка спичек». Характерного, потому что он звучит как разговор не с кем-то, а с самим собой или про себя, т. к. заметно, как легко собеседники меняются ролями.

- «...— Хочется спросить, почему вы такие умные и не у власти?
- Хочется ответить: сами удивляемся!
- Власть умных не любит.
- Вот он — правильный ответ.
- Не совсем правильный — власти нужны умные, но не задумывающиеся, предусмотрительные, но без воображения, упёртые. Но при случае меняющие предмет своей упёртости.
- «Предмет упёртости» — это как?
- Это способность выдать «что вышло» за «что обещал».
- Это же нечестно!
- Для них нет. Они обещают «чтобы схавали», но твердо знают, чего хотят, но это «чего они хотят» как-то плавно и естественно перетекает в «что вышло»...

Итак, по прочтении книги Юрия Извекова, удивляешься (и не удивляешься) облику автора, что называется, по полной программе: рядом с нами живет поразительный человек, который о нас многое знает и который это знание, на первый взгляд, бытовое, по-обыденному простое, умеет выразить так образно и многозначительно, так остроумно и так весело, что делает тебя, читателя, соучастником и сомышленником писателя.